

Серия
КНИГА И ЛИТЕРАТУРА

КНИГА И ЛИТЕРАТУРА
В КУЛЬТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

КНИГА И ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 35-ЛЕТИЮ
НАЧАЛА АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ В СИБИРИ

1965-2000

Составители и ответственные редакторы
Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев

НОВОСИБИРСК
2003

ББК 86.372
63.2
83.3 (2Рос=Рус)
К53

К53

Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посвящу. 35-летию начала археограф. работы в Сибири (1965-2000 гг.) / Сост. и отв. ред.: Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. — Новосибирск, 2003. — 670 с. — (Книга и литература). — ISBN 5-94560-048-2

Рецензенты:

проф., акад. А.А. Берс,
канд. ист. наук. И.А. Гузнер

Сборник научных статей «Книга и литература в культурном контексте» подготовлен в рамках серии «Книга и литература». Выпускается Отделом редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН и Гуманитарным факультетом Новосибирского государственного университета в честь 35-летнего юбилея начала планомерных и регулярных археографических исследований в Сибири. Сборник ставит своей целью познакомить самого широкого заинтересованного читателя с современным уровнем сибирской археографии в сопоставлении его с общим по стране научным уровнем и демонстрирует достижения важнейших направлений сибирской археографической деятельности, сложение авторитетной российской научной историко-филологической школы.

Сборник предназначен для широкого круга исследователей, учителей, студентов и тех читателей, для которых дорого историческое прошлое отечества.

The collection of scientific papers «Book and literature in cultural context» is prepared as regular installment of the series «Book and literature». The Department of rare books and manuscripts of the State Public Scientific Technical Library of the Siberian Department of the Academy of Sciences and the Humanitarian faculty of the Novosibirsk State University issue it in honour of the 35-years anniversary of the beginning of systematic and regular scientific expeditions for ancient books and studies of early texts. This installment has for an object to acquaint the broad interest reader with a modern level of Siberian studies of early books in comparison with general level in the country. It demonstrates achievements in major directions of Siberian studies of early books, shows establishing the authoritative scientific historical and philological school.

This collection is intended for a wide circle of investigators, teachers, students and those readers, who appreciates historical past of the fatherland.

ISBN 5-94560-048-2

ББК 86.372
63.2

© Авторы, 2003

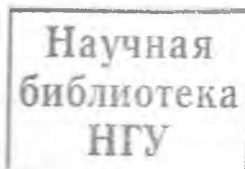
© Е.И. Дергачева-Скоп. Серия «Книга и литература», 1995

© В.Н. Алексеев. Оформление серии, 1995

© В.Н. Алексеев. Е.И. Дергачева-Скоп. Состав сборника, 2003

© Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
(ГПНТБ СО РАН), 2003

542744

П2
К532

Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования)

В 1700 г. отставной иркутский сын боярский Иван Максимович Перфирьев бил челом государю Петру Алексеевичу о том, чтобы тот не велел править на нем триста рублей денег. Просьбу он подкреплял не только своими «многими службами и работами», но и заслугами своего отца Максима Перфирьева, который, как сказано в челобитной, «служил... как почался быть Енисейской острог по Енисейску в атаманех и в детех боярских болши сорока лет»¹.

Одиннадцать или более того лет спустя один из внуков И. Перфирьева (начало и конец документа не сохранились, поэтому ни имя автора, ни причина появления документа не известны²) в своей челобитной³ указывал на факт участия Максима Перфирьева в качестве атамана в походе 1600 г. в низовья Енисея отряда тобольских и березовских служилых людей во главе с письменным головой князем Мироном Шаховским и Данилой Хрипуновым для строительства острога⁴. Отряд численностью в 150 человек подвергся нападению самоэдов у устья реки Таз, многие из служилых людей погибли, но поставленная задача была выполнена: в результате этого похода была основана Мангазея⁵, ставшая на несколько десятилетий важнейшим административным центром на севере Сибири, а атаману Перфирьеву удалось остаться в числе живых.

¹ РГАДА, ф. 204, оп. 1, ед. хр. 13.

² ГПНТБ СО РАН, Тих. ДП, XXVI, 8.

³ Документ, по его содержанию, можно охарактеризовать как пространную челобитную или как роспись службам автора и его предков. Челобитные, как одно из названий прошений, просуществовали весь XVIII и первую половину XIX в., но формуляр их, в сравнении с челобитными XVII в., претерпел серьезные изменения. Ср.: Бродников А.А. Документальные источники о взглядах служилых людей Восточной Сибири XVII века на свои права и обязанности // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. — Новосибирск, 1991. — С. 136-137; Мищенко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII - первой половины XIX в. — Новосибирск, 1981. — С. 44-47; Побережников И.В. Новые материалы по истории классовой борьбы в Западной Сибири XVIII в.: (Дело о Бердском «скопе») // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. — Новосибирск, 1984. — С. 71-72. Тем не менее, данный документ по своей структуре соответствует именно челобитной XVII в.

⁴ ГПНТБ СО РАН, Тих. ДП, XXVI, 8, л. 1; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. — М.; Л.: 1960. — Вып. 1: XVII век. — С. 153.

⁵ Александров В.А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. — М., 1964. — С. 17-18; История Сибири. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 42.

Максим Перфирьев, сыгравший значительную роль в распространении российской государственности на районы Среднего и Нижнего Приангарья и первым собравший сведения о реках Шилка и Амур, личность явно не ординарная и заслуживает не меньшего внимания исследователей, чем такие деятели XVII в., как, например, С. Дежнев, В. Поярков или Е. Хабаров. Заслуживает он внимания и как основатель целой династии сибирской служилой аристократии, представители которой несли службу по Енисейску и по Иркутску и в XVIII в. Самостоятельный интерес представляют сведения о взлетах и падениях в карьере М. Перфирьева, свидетельствующие о степени бюрократизма в делопроизводстве приказа Казанского дворца, а затем и Сибирского приказа, отражавшегося на судьбах сибиряков, о непростых отношениях в гарнизонах сибирских городов между представителями командного состава, да и сам опыт биографического исследования.

К сожалению, в работах историков имя М. Перфирьева упоминается лишь эпизодически⁶. Больше всего внимания М. Перфирьеву уделили, пожалуй, И.Э. Фишер, в описании присоединения все того же Приангарья, и А.П. Окладников в своем исследовании русско-бурятских отношений на Ангаре в конце 20-х гг. XVII в.⁷ Специальных же исследований, посвященных М. Перфирьеву, не проводилось, и настоящая работа является первым опытом такого рода.

Как известно, при сборе биографического материала особую сложность представляет его невероятная разбросанность не только по разным единицам хранения, но и по разным фондам и разным архивам. Не является исключением, в этом плане, и сбор сведений о М. Перфирьеве. Имя М. Перфирьева встречается в документальных источниках РГАДА - в столбцах и книгах Сибирского приказа второй четверти XVII в., в «Портфелях Миллера», в документах из коллекции статского советника Ф.А. Юни. Часть сведений о М. Перфирьеве, некоторые из которых дублируют сведения материалов РГАДА, хранится в фонде Миллера СПбф АРАН и фонде Якутской приказной избы СПбф ИРИ РАН. Упоминание о М. Перфирьеве имеется и в одном из документов Тихомировского собрания рукописей ГПНТБ СО РАН. Таким образом, известные к настоящему времени документальные источники о М. Перфирьеве хранятся в четырех архивах, в шести фондах и, по крайней мере, в полутора десятках дел — это грамоты приказа Казанского дворца и Сибирского приказа, отписки воевод, челобитные служилых людей (как индивидуальные, так и коллективные), книги ясачного сбора, окладные книги денежного, хлебного и соляного жалованья, переписные книги, послужные списки, выписки в доклад, делавшиеся в приказах, и т.д., т.е. практически все виды документальных источников, относящиеся к Сибири XVII в.

⁶ См., например: Оглоблин Н.Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа. — М., 1900. — Ч. 3. — С. 116-117, 165; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960. — С. 195, 197; Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. — С. 39-40, 88, 89; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. — Новосибирск, 1991. — С. 93, 94.

⁷ Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири. — СПб., 1774; Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. — Л., 1937.

Время и место рождения М. Перфирьева не известны. Однако, основываясь на факте его участия в походе 1600 г. в качестве атамана, можно предположить, что родился он в 70-х гг. XVI в. После этого его имя надолго исчезает из документации начала XVII в. Скорее всего, его следы «теряются» по причине пожара, происшедшего в Приказе Казанского дворца 3 мая 1626 г. и уничтожившего значительную часть документов о Сибири конца XVI — начала XVII⁸. Есть, правда, единичное упоминание, что в 1618 г. М. Перфирьев был послан из Сургута во главе группы служилых людей, направленных для строительства Енисейского острога⁹, т.е. в составе отряда пельымского сына боярского Петра Албычева и тобольского стрелецкого сотника Черкаса Рукина, что, собственно, и подтверждает в своей вышеупомянутой челобитной его сын И.М. Перфирьев¹⁰. Упоминание М. Перфирьева атаманом свидетельствует о его уже достаточно серьезном опыте на военно-служилом поприще. До чина атамана в Сибири рядовые служилые люди, казаки дослуживались помногу лет: В. Колесников — не менее 15, С. Дежнев — более 20 и т. д., и получали его, имея реальный опыт выполнения руководящих функций военно-административного и дипломатического характера. Несмотря на единичное упоминание Максима атаманом в 1600 г., да к тому же в источнике, отстоящем от события более, чем на век, опыт у него такого рода сомнения не вызывает: летом 1626 г. енисейские служилые люди в коллективной челобитной просили поверстать М. Перфирьева в стрелецкие сотники, мотивируя свою просьбу тем, что ему такая служба «за обычей»¹¹. Обращает на себя внимание и то, как успешно Максиму, возглавив отряд стрельцов после нескольких лет службы подьячим енисейской приказной избы, удавалось решать проблему «замирения» ангарских «иноземцев».

Тем не менее, вызывает некоторое недоумение, почему бывший атаманом еще в 1600 г. М. Перфирьев не только не возглавил поход служилых людей на Енисей в 1618 г., но и не упоминается в касающемся этого похода документации среди начальных людей¹². Более того, в составленном в 1631 г. по просьбе Максима послужном списке, енисейский воевода Семен Иванович Шаховской перечислил его заслуги, только начиная с похода 1626 г. по Ангаре¹³. Хотя обычно в такого рода документах старались упомянуть обо всех заслугах. При этом другие факты его биографии, упомянутые в приведенной выше челобитной, подтверждаются документально. Можно предположить, что М. Перфирьева в тот момент интересовали именно сведения о службе в качестве предводителя отрядов енисейских служилых людей,

⁸ СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 21, л. 15-15 об.; Андреев А.И. Примечания // Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.-Л.: 1941. — Т. 2. — С. 552.

⁹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII- первой половине XIX в. — Новосибирск, 1975. — С. 85.

¹⁰ РГАДА, ф. 204, оп. 1, ед.хр. 13, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 91-91 об.; Оглоблин Н.Н. Обзорение... Ч. 3. — С. 116-117.

¹² РГАДА, ф. 199, ед. хр. 477, ч. 1, № 1, л. 48-48 об.; Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. 2. — С. 243-244, № 132; С. 246-247, № 137; С. 248, № 140 и др.

¹³ СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 38, л. 44-46.

которые он стал возглавлять с 1626 г., формально являясь енисейским подьячим. Как бы ни было, только в 1622 г. в Енисейский острог прибыл первый воевода Яков Игнатьевич Хрипунов. И именно с 1622 г., можно говорить об учреждении в остроге съезжей избы и появлении должности подьячего. Соответственно, если М. Перфирьев начинал свою службу в Енисейском остроге подьячим, то только с этого времени, что, впрочем, не исключает его присутствия в остроге, постоянного или эпизодического, в ином качестве в предшествующие годы.

Есть в документальных источниках еще один непонятный момент биографии М. Перфирьева. В 1627 г. тобольский архиепископ Макарий рассматривал его духовное дело о незаконном венчании с вдовой енисейского сотника П. Фирсова Аленой Андреевной¹⁴. Как оказалось, в Верхотурском остроге в это время проживала жена Максима, о которой какие-либо сведения пока не обнаружены¹⁵. Не понятно, почему она оказалась на Верхотурье, а не в Сургуте, если М. Перфирьев в 1618 г. из Сургута отправлялся на Енисей, жил ли сам Максим когда-либо в Верхотурском остроге и почему не взял жену с собой в Енисейский острог.

С мая 1626 г. упоминания о М. Перфирьеве в документации становятся регулярными. В это время в Енисейском остроге произошел бунт, в результате которого все жители разделились на две части: сторонников и противников воеводы Андрея Леонтьевича Ошанина. Максим Перфирьев, как подьячий должен был оказаться не просто среди сторонников воеводы, но одним из ближайших лиц в его окружении, что и произошло: в одном из эпизодов бунта он был даже избит служилыми людьми за попытку удержать их от решительных действий в отношении А. Ошанина¹⁶. Несколько странно видеть бывшего атамана в чине подьячего (т.е. профессионального чиновника). Можно предположить, что при образовании в Енисейском остроге постоянного гарнизона и назначении первого воеводы в сибирских городах не нашлось лишнего подьячего, и в Тобольске приняли решение послать подьячим в отдаленный «украинный» острог грамотного и опытного человека, которого можно было бы использовать в любом качестве.

Несмотря на определенные разногласия с енисейскими стрельцами, М. Перфирьев сохранил в их глазах авторитет бывалого человека, о чем свидетельствует упомянутая выше коллективная челобитная служилых людей енисейского гарнизона, поддержанная воеводой А. Ошаниным. В промежуток времени с октября 1625 по апрель 1626 г. в Оби утонул возвращавшийся из Томска в Енисейск сотник Поздей Фирсов, который начал свою службу в остроге видимо тоже с 1622 г. и таким образом к середине лета 1626 г. енисейский гарнизон остался без «начальных» людей. Атаман Василий Алексеев Новоторженин как руководитель бунта, был вызван к тому времени в Тобольск для сыска, а имя другого атамана Василия Андреева Тюменьца

¹⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... — С. 93, 94; Оглоблин Н.Н. Обзорение... — Ч. 3. — С. 165.

¹⁵ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 16; л. 371.

¹⁶ Там же, стб. 12, л. 36-79; Оглоблин Н.Н. Обзорение... — Ч. 3. — С. 165.

перестает встречаться в енисейской документации с 1625 г.¹⁷ Эта попытка возглавить енисейский гарнизон оказалась для М. Перфирьева неудачной: в Москве предпочтение решили отдать сыну боярскому Петру Бекетову, который в это время «скитался меж дворов» в Тобольске¹⁸.

Причина такого решения заключалась в том, что в Приказе Казанского дворца рассматривался вопрос об организации так называемой «серебряной экспедиции» в Бурятскую землю, которую должен был возглавить бывший до осени 1625 г. енисейским воеводой Я. Хрипунов, уже имевший опыт совместной службы с М. Перфирьевым и наверняка заинтересованный в получении квалифицированного помощника. В Тобольск была отправлена грамота соответствующего содержания, датированная 30 января 1627 г. В конце ее размашистым почерком написано: «А тому подьячему Максимку в Енисейском остроге в сотниках не бывать... Того Максима Перфирьева велено быти для убел с себе Якову Хрипунову для сыску серебряной руды. Припись дьяка Ивана Грязева»¹⁹. Таким образом, летом 1626 г. в Енисейском остроге сложилась ситуация, когда в отсутствие командного состава воевода А. Ошанин был вынужден поставить во главе отряда служилых людей, отправлявшегося в практически неизвестный еще отдаленный район — в «Братскую землицу», подьячего М. Перфирьева.²⁰ Впрочем, основываясь на традиции казачьего самоуправления и посланной в Москву челобитной, воевода мог назначить подьячего сотником и не дожидаясь получения ответа из приказа.

Как поступил А. Ошанин, отправляясь ли в Москву челобитная енисейских служилых о поверстании Максима в атаманы — нам не известно, но с 1628 г. М. Перфирьев во всей документации официально упоминается атаманом²¹. Первый поход М. Перфирьева в Братскую землю прошел более чем удачно: он первым сообщил о ее богатствах подробные сведения — о «многолюдстве», урожайности («хлеб пашут ячмень и гречю») и ископаемых («серебра добре много»)²². В результате этой экспедиции, закончившейся в конце весны — начале лета 1627 г., было собрано большое количество пушнины с ангарских бурят и тунгусов. Летом того же года М. Перфирьев с отрядом в 40 человек совершает еще один поход в «Братскую землицу», вернувшись в Енисейский острог также в конце весны — начале лета

¹⁷ Хотя его имя упоминается в енисейских раздаточных книгах 134 г. (1625/1626 г.), но хронологически это может относиться к сентябрю — декабрю 1625 г. См.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 3, л. 269.

¹⁸ Там же, стб. 12, л. 92.

¹⁹ Там же, л. 94.

²⁰ Назначенный сотником П. Бекетов, согласно датировке получения его челобитной в Приказе Казанского дворца, мог прибыть в Енисейский острог не ранее июня 1627 г. См.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 92-92 об. Но реально, видимо, прибыл гораздо позднее, так как в ясачном сборе 1627/28 г. он еще не участвовал, а вот в следующем 1628/29 г. собирав ясак «под Брацким порогом» с бурятских князцов Кудуза и Адаеи. См.: СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 24, 25, л. 16-21.

²¹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 69 об., 88-90, 92, 177-179; СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 24, л. 17 об. и др.

²² РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 87; Оглоблин Н.Н. Обзорение... — Ч. 3. — С. 116-117.

1628 г., после ледохода²³. Прибытие в конце лета 1628 г. в Енисейский острог воеводы Я. Хрипунова с отрядом служилых людей, собранных из разных гарнизонов Западной Сибири²⁴, послужило причиной перехода Максима из подчинения енисейскому воеводе в ведение руководителя «серебряной» экспедиции. Атаман вновь становится подьячим (в документации он упоминается подьячим с января 1629 г.)²⁵. В этом качестве, как второе лицо в отряде Я. Хрипунова, он совершает очередной поход по Ангаре в район братских порогов.

Однако смерть Я. Хрипунова в конце 1629 г. нарушила все планы организаторов экспедиции. Ее участники, и без того весьма условно подчинявшиеся воеводе Хрипунову, стали совсем неуправляемыми. Не сумев навести порядок среди подчиненных, еще при жизни Я. Хрипунова начавших заниматься грабежом приангарских аборигенов и русских торговых и промышленных людей, Максим принимает решение возвращаться и свою задачу видит в сохранении отпущенной с экспедицией государственной казны — пушек, свинца, пороха и т.п.²⁶ Бюрократический опыт подсказывал подьячему, что в приказе Казанского двorca потребуют возвращения всего имущества экспедиции к месту ее организации, а ответственность за это будет возложена на него. И действительно, несколько позже указ аналогичного содержания из Москвы получили тобольские воеводы: М. Перфирьеву надлежало все имущество экспедиции доставить в Тобольск.

Но енисейский воевода князь Семен Шаховской принимает решение все это имущество оставить в Енисейске. Поэтому, когда в июне 1630 г. суда с оставшимися в живых участниками «серебряной» экспедиции подошли к Енисейскому острогу, на борт к М. Перфирьеву пришел атаман Иван Галкин с изложением требования кн. Шаховского. Отказ хрипуновцев подчиниться привел к столкновению: енисейские стрельцы во главе с И. Галкиным, которых в это время в остроге насчитывалось не более двух-трех десятков человек, получили в подмогу вооруженных луками, пищалями и рогатинами торговых и промышленных людей и пашенных крестьян (всего «человек с шестьсот и болши»). Силы были явно неравными: енисейцы без проблем одержали победу и захватили все находившееся на стругах имущество экспедиции (сопротивлявшихся «с судов збили»)²⁷.

Этот эпизод не повлиял на отношения между М. Перфирьевым и воеводой. С лета 1630 г. он вновь упоминается енисейским атаманом и его имя вносится в окладные книги Енисейского острога²⁸. Более того, уже 3 августа 1630 г. Максим отправляется во главе отряда из тридцати человек в очередной поход «под брацкие улусы» «для уговору» местного населения, т.е. для урегулирования ситуации, возникшей после разбоя на Средней Ангаре людей из отряда Я. Хрипунова

²³ СГПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 38, л. 44-44 об.

²⁴ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 16, л. 215-235.

²⁵ См., например: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 16, л. 34, 39-48 и др.

²⁶ Тобольская и енисейская администрации ожидали прибытие отряда хрипуновцев в Енисейский острог только весной 1631 г., но М. Перфирьев сумел привести их уже летом 1630 г. См.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 16, л. 98-99.

²⁷ Там же, л. 99-100.

²⁸ Там же, оп. 1, кн. 27, л. 305, 313.

и красноярских казаков²⁹. В задачу атамана входило «приводить и умирить братских людей под государеву высокую руку и для укрепления и шатости острогу ставить»³⁰. После бесчинств участников экспедиции Хрипунова это было делом не простым, периодически требовалось демонстрировать силу. Поэтому 8 мая 1631 г. им в помощь енисейский воевода С. Шаховской отправил двадцать человек красноярских казаков во главе с пятидесятником Василием Московитиным, переведенных к тому времени на службу в Енисейск³¹.

Однако М. Перфирьев сумел выполнить поставленную перед ним задачу до прибытия подкрепления. Вернувшись из похода 18 июня 1631 г.³², енисейские служилые привезли взятых с «умиренных» бурятских улусов 183 соболей, соболюю пластину и красную лису по сибирской оценке на сумму 154 рубля³³, кроме того, 127 соболей тогда было собрано с окрестных тунгусов. В предшествовавшие походы М. Перфирьеву удавалось привозить и большее количество соболей³⁴, но в этот раз главным было не количество собранной пушнины, а решение стратегических задач: «замирение» местного населения и строительство Братского острога³⁵. Это позволяло закрепить контроль енисейской воеводской администрации над Средним Приангарьем и осуществлять продвижение отрядов енисейских служилых людей вверх по Илимю и далее - через волок на Лену без опасения каких-либо агрессивных действий со стороны остававшихся в тылу бурятских князюв.

В качестве награды за успешное решение поставленной задачи несколько человек из отряда М. Перфирьева, во главе с десятником Семеном Родюковым, были отправлены в Москву сопровождать «государеву казну» - «мягкую рухлядь»³⁶. Сам атаман за этот поход получил дополнительное денежное жалованье в размере 5 рублей (половина годового оклада), остальные участники похода - по 3 рубля.³⁷ По требованию из Москвы, награждение участников похода должно было проходить в официальной торжественной обстановке, в съезжей избе с присутствием воеводы, с зачитыванием грамоты.³⁸

Сопоставление дат отправления на помощь М. Перфирьеву отряда В. Москвитина и возвращение в Енисейск служилых людей из-под Братских порогов (8 мая и 18 июня) позволяет утверждать, что сам Максим в течение некоторого времени еще оставался во вновь построенном острожке. А пушнину в Енисейский острог доставила лишь небольшая группа енисейцев во главе с С. Родюковым. Не слу-

²⁹ СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 34, л. 33; № 38, л. 45; РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 59-63 и др.

³⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 56-71.; Миллер Г.Ф. История Сибири. - Т. 2. - С. 379.

³¹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 65-66. О возможной ликвидации Красноярского острога и переводе красноярских казаков в Томск и Енисейский острог см., например: СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 35, л. 36-41.

³² СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 39, л. 48.

³³ Там же, № 38, л. 45; РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 68.

³⁴ СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 24, л. 17 об. - 18; № 38, л. 44 об.

³⁵ Там же, № 38, л. 45; № 39, л. 48; РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 66.

³⁶ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 76-77.

³⁷ Там же, л. 73 об., 74 об., 75 об., 76 об.

³⁸ Там же, л. 78.

чайню в Москву был отправлен именно С. Родюков, а имя М.-Перфирьева в этом списке «счастливищников» отсутствует, что выглядит довольно странно, так как предводитель отряда обычно при отправке в столицу получал приоритет.

Далее в биографии М. Перфирьева происходит серьезное потрясение, в результате которого ему, имеющему серьезные заслуги в приведении «под высокую государеву руку» значительной части Приангарья, приходится начинать свою карьеру фактически заново. Как оказалось, вновь приступив к исполнению обязанностей атамана и имея поддержку и енисейского гарнизона (по крайней мере, его большинства), и енисейской администрации, Перфирьев не получил на это санкции из Москвы, что, впрочем, не мешало чиновникам Приказа Казанского дворца в официальной документации именовать его атаманом, спокойно относится к занесению Максима в окладные книги разных видов жалования и даже награждать за службу: грамота о награждении денежным жалованьем участников строительства Братского острога датирована 15 февраля 1632 г.³⁹, а в окладной книге Енисейского острога за 7141 г. (1632/33 г.) М. Перфирьев по прежнему встречается как атаман.⁴⁰ Тем не менее, формально, это верстание Перфирьева произошло «без государева указа» и было чревато санкциями не только для него, но и для бывшего енисейского воеводы кн. С. Шаховского, принявшего такое решение. Причина этой проблемы (а, скорее всего, все же это было просто поводом) заключалась в том, что к 1630 г. штат енисейского гарнизона уже был укомплектован начальными людьми - сотник П. Бекетов прибыл в острог еще в 1627/28 г., а в конце 1628-1629 гг. в Енисейске появился атаман Иван Алексеевич Галкин. Численность же енисейского гарнизона по прежнему едва превышала сто человек.

Не известно, встречались ли ранее друг с другом М. Перфирьев и И. Галкин, являвшиеся оба, несомненно, незаурядными личностями. Не исключено, что знакомство между ними состоялось именно в Енисейском остроге при решении вышеупомянутой проблемы определения оставшегося имущества «серебряной экспедиции». Вероятно, с того времени между Галкиным и Перфирьевым установились неприязненные отношения. Причем, как можно судить по источникам, активную роль в их подогревании играл именно И. Галкин.

Первая известная его жалоба на М. Перфирьева поступила воеводе С. Шаховскому 8 мая 1631 г.⁴¹ Оба атамана с отрядами енисейских служилых людей были ранее отправлены на годовую службу для сбора ясака и приведения «под высокую государеву руку» новых «землиц». М. Перфирьев — в район братских порогов, а И. Галкин — через Илимский волок на Лену. Стрельцы из отряда Перфирьева собрали ясака с низовьев р. Илим, района непосредственно примыкавшего к Ангаре. Галкин же, остановившийся на зимовку в среднем течении Илимского устья р. Идирмы, где поставил зимовье (которое впослед-

³⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 79.

⁴⁰ Там же, кн. 47, л. 83, 123.

⁴¹ СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, л. 22, № 39, л. 48 об. Отписка эта была написана на Илимском волокне не ранее 28 марта 1631 г. См.: там же, № 42, л. 54 об.

ми разрослось до размеров острога), также начал собирать ясак с окрестных тунгусов и посчитал низовья Илима своей ясачной территорией, так как годом ранее в тех местах ясак уже собирали енисейские служилые люди из проходившего на Лену отряда десятичника Василия Бугра. «...А преж, государь, того те тунгусы государев ясак под брацкой порог не плачивали, а платили, государь, те тунгусы шаманские на Илим и на усть Идирмы», — возмущенно писал атаман в Енисейск С. Шаховскому⁴².

Вернувшись в конце 1631 г. из похода на Лену с огромным количеством пушнины (2600 соболей)⁴³, И. Галкин с несколькими участниками своего похода были пожалованы поездкой в Москву. Пушнина была доставлена в Приказ Казанского дворца 13 марта 1632 г., а 19 марта прибывшие в Москву енисейцы во главе с Галкиным обратились с челобитной о пожаловании за службу, составленной от имени всех участников ленского похода⁴⁴.

В Москве такое «радение» государю не осталось без внимания и было щедро вознаграждено. Все тридцать енисейских стрельцов, ходивших с И. Галкиным в поход на Лену, получили по 4 рубля дополнительного денежного жалованья, а сам Иван — 10 рублей⁴⁵. Кроме того, как было принято еще с конца XVI в., приезжавшие в Москву служилые люди «за сибирский выход» получали «по сукну по доброму человеку» и деньги — по 2 рубля «за приход» и суточные — по 6 денег на день человеку. И. Галкин как атаман получил 5 рублей⁴⁶. В довершение ко всему атаману был увеличен на два рубля размер годового денежного жалованья, которое и без того было самым большим в енисейском гарнизоне и равнялось 16 рублям⁴⁷. 30 апреля 1632 г. в Енисейский острог новому воеводе Ждану Васильевичу Кондыреву отправляется грамота, по которой ему предписывается сделать соответствующее исправление в енисейских окладных книгах денежного жалованья⁴⁸. Таким образом, благодаря невероятно успешному для казны походу на Лену и доставке в Москву огромной партии пушнины, И. Галкин не просто завязал личное знакомство с чиновниками из Приказа Казанского дворца, но снискал с их стороны невероятно благоприятное к себе отношение.

С очень большой степенью вероятности можно говорить, что атаман Галкин завоевал расположение нужных людей в приказе не без помощи подарков. Известно, что «радея» государеву интересу он не забывал и о себе. Так, в документации 1635 г. у И. Галкина было зафиксировано 630 промышленных соболей (между тем, сведений, что он когда-либо занимался промыслом, не сохранилось), а в 1638 г. в Якутском остроге у атамана Галкина отмечено огромное количество перекупной пушнины: 1250 соболей, 400 соболевых пластин, шуба со-

⁴² СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, л. 22, № 42, л. 55-55 об.

⁴³ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 390.

⁴⁴ Там же, л. 384 об., 504.

⁴⁵ Там же, л. 398.

⁴⁶ Там же, л. 506.

⁴⁷ Там же, оп. 1, кн. 27, л. 313.

⁴⁸ Там же, оп. 3, стб. 31, л. 401 об. - 402.

больша, 20 черно-черевных лисиц⁴⁹. Нет сомнений, что и в 1632 г. И. Галкин имел в своем распоряжении немалое количество пушнины, которую вполне мог использовать для установления дружеских отношений с нужными людьми в Москве.

Вероятно, тогда Иван Галкин и обсудил в Приказе Казанского двора возможность верстания своего брата Осипа в атаманы по Енисейску, на место М. Перфирьева. Сведений об этом не сохранилось, но известно, что в 7142 г. (1633/34 г.) Осип Галкин, будучи в Енисейском остроге гуляющим человеком, бил челом о верстании его в атаманы на место М. Перфирьева за службу своего отца Алексея⁵⁰. Спустя какое-то время, в 1634 г. в Енисейский острог воеводе Андрею Племянникову была отправлена грамота о верстании Осипа в атаманы: «А велено ему, Оське, быти в Енисейском остроге в атаманех на Максимово место Перфирьева у енисейских служилых людей...»⁵¹. Позднее служилые люди енисейского гарнизона утверждали, что «в атаманы за отцову службу» в Тобольске уже был поверстан Иван Галкин, и «тому Оське велено на Максимово место Перфирьева быти в атаманех неведомо за что»⁵². Таким образом, в результате интриги братьев Галкиных, М. Перфирьев, не взирая на имевшиеся заслуги, был отставлен со службы.

В окладных книгах Енисейского острога за 145 г. (1636/37 г.) имя М. Перфирьева не упоминается вообще. Зато среди лиц командного состава появляется атаман О. Галкин, с окладом государева жалованья, который ранее получал Максим, появляется и новое подразделение «ссылные русские люди атамановы станицы Осипа Галкина»⁵³. Правда, в енисейских писцовых книгах, составленных в том же году томским сыном боярским Петром Сабанским, занимавшимся описанием размеров пашни енисейцев, М. Перфирьев упоминается среди рядовых служилых людей с соответствующим окладом: «Пахоты его 4 чети ржи, 3 чети овса, 3 чети ячменя, пол-осьмины пшеницы. И к той его пахоте добавить ему четь овса. А переложные земли 15 десятин»⁵⁴. Таким образом, как получилось по логике чиновников приказа, М. Перфирьев, перейдя из енисейских атаманов в подьячие «серебряной экспедиции», потерял свое место и, невзирая на бывшие заслуги, вынужден был верстаться в енисейский же гарнизон на вакантное место рядового стрельца.

Разумеется, что служившие ранее под началом М. Перфирьева енисейские стрельцы «старой сотни», многие из которых участвовали в возглавляемых им походах по Ангаре еще в 20-х гг., были крайне недовольны такой кадровой перестановкой в гарнизоне, особенно нарушением принципа заслуги, тем более что незадолго до О. Галкина,

⁴⁹ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. — Красноярск, 1974. — С. 157-158.

⁵⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 72, л. 35-36.

⁵¹ Там же, л. 34.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, оп. 1, кн. 70, л. 100-118, 186-200. Об увеличении численности енисейского гарнизона в документации речь шла с 1632 г. См.: Там же, кн. 47, л. 132 об.

⁵⁴ Там же, кн. 70, л. 615 об.

в 1632 г., в Енисейском остроге уже произошло незаслуженное верстание в высокий оклад сына боярского Парфена Ходырева⁵⁵.

Недовольство вызревало постепенно и проявилось в конце лета - начале осени 1637 г. Вероятно, в это время основная часть недовольных, по воле случая, одновременно собралась в Енисейском остроге, в промежуток между длительными годовыми посылками на службу. Одновременно, в остроге отсутствовали заинтересованные лица, которые могли помешать задуманному: атаман И. Галкин находился по дороге к месту службы в Ленском остроге⁵⁶, а О. Галкин, по всей видимости, еще не вернулся со службы в Усть-Олекминском острожке, куда он был послан в 1635 г. во главе небольшого отряда служилых людей⁵⁷.

Возглавил оппозиционно настроенных к Галкиным енисейцев пятидесятник Василий Иванович Колесников⁵⁸, который только что вернулся с Байкала, а двумя годами ранее, когда подавал в Енисейском остроге челобитную об отправке его на Лену, просил поверстать его в атаманы и, таким образом, имел личные счеты с О. Галкиным, которому было отдано предпочтение. В итоге — в Москву была отправлена коллективная челобитная от лица ста человек енисейских служилых людей⁵⁹. В своей челобитной В. Колесников «с товарищи» (большинство из которых явно были участниками его похода на Байкал) отметили, что служили они «с старым атаманом с Максимом Перфирьевым потому, что ему всякие государевы службы за обычей», а «с тем Оскою государевых служб [им] служити невозможно потому, что ему государевы службы не за обычей». Кроме того, как свидетельствовали енисейцы, О. Галкин «не в котором городе в стрельцах и в казаках не бывал и никаких государевых служб не служивал»⁶⁰.

Верстание сразу в атаманы из неслужилых являлось грубейшим нарушением существовавшего в XVII в. принципа производства в командные чины служилых «по прибору», и челобитчики не случайно акцентировали внимание на этой проблеме. На всякий случай они сообщили и о незаконном винокурении, которым занимался О. Галкин в 1635 г. сначала в Енисейском остроге, а затем под Ленским воюлом⁶¹. Челобитная заканчивалась просьбой, чтобы государь их пожаловал: «тому Оске у них в атаманех быть не велел, а велел бы у них быти в атаманех Максимку Перфирьеву».

В Москве на коллективную челобитную отреагировали быстро — енисейскому воеводе Прокофию Соковнину была отправлена грамота, согласно которой М. Перфирьева надлежало восстановить в чине ата-

⁵⁵ Бродников А.А. Енисейский сын боярский Парфен Ходырев // Гуманитарные исследования: Итоги последних лет: Сб. тез. науч. конф., посвящ. 35-летию гуманитар. фак. НГУ. — Новосибирск, 1997. — С.66-69.

⁵⁶ См., например: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 75, л. 522.

⁵⁷ Там же, стб. 72, л. 32.

⁵⁸ В окладных книгах 1630 и 1633 гг. — рядовой стрелец, с 1635 г. в документации упоминается пятидесятником. См.: Там же, оп. 1, кн. 27, л. 308; кн. 47, лл. 84, 129; оп. 3, стб. 53, л. 789.

⁵⁹ Там же, стб. 72, л. 17, 35-37.

⁶⁰ Там же, л. 35-36.

⁶¹ Там же, л. 36-37.

мана, при условии, что «вины его перед государем ни в чем нет» и он «ни в какую службу в Енисейском остроге не поверстан». О. Галкина, при этом, следовало от службы отставить, так как он ранее предоставил о себе в приказ недостоверную информацию: «в атаманы бил челом государю и в челобитье своем написался казаком ложно», что было проверено по енисейским окладным книгам. Одновременно воевода должен был провести сыск о винокурении О. Галкина и сообщить о его результатах в Москву⁶².

Не успела еще эта грамота дойти до Енисейского острога, как в Москве появился сам Осип Галкин. Как оказалось, вскоре (возможно, что счет шел на дни) после отправки в Москву челобитной В. Колесникова «с товарищи», в Енисейск вернулся из Усть-Олекминского острожка О. Галкин с огромным количеством пушнины. Атаману удалось собрать ясак за 7145 г. (1636/37 г.) на сумму 1038 рублей 23 алтына 2 деньги, собрать десятинной пошлыны и скупить в казну пушнины на 7803 рубля 23 алтына. Разумеется — все по сибирской оценке⁶³. В Москве сибирские меха оценивались в большую сумму.

Воевода П. Соковнин тут же отправил в столицу отписку соответствующего содержания, всю привезенную пушнину и весьма большой для такой поездки отряд служилых людей, вероятно — небескорыстно (в тот раз в Москву было отправлено 15 человек, в то время как обычно пушнину сопровождало от 2 до 5 человек), во главе с Осипом, который благополучно прибыл в Москву 16 декабря 1637 г.⁶⁴

О. Галкин не упустил возможности поправить свое, казалось бы, пошатнувшееся положение и подал в Сибирском приказе челобитную, результатом которой стала очередная грамота енисейскому воеводе, отменявшая совсем недавнее решение тех же чиновников о восстановлении в атаманах М. Перфирьева⁶⁵. А Осипу велено «быть в Енисейском остроге в атаманах ... по прежнему». Что касается М. Перфирьева, то чиновники в очередной раз «выяснили», что он в качестве подьячего принимал участие в экспедиции Я.Хрипунова, а почему в дальнейшем оставался в атаманах — «того в Сибирском приказе неведомо»⁶⁶. Одновременно в приказе выяснили, что Максим в Енисейском остроге «объявился» в атаманах только по окладным книгам 138 г. (1629/1630 г.)⁶⁷.

В итоге московские вершители сибирских судеб пришли к выводу (явно не без «помощи» О. Галкина), что енисейские служилые люди во главе с В. Колесниковым били о восстановлении М. Перфирьева в чине атамана «воровством, стакався с ним»⁶⁸. Воеводе П. Соковнину предписывалось не только отменить предыдущее распоряжение из

⁶² РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 75, л. 37.

⁶³ Там же, л. 33.

⁶⁴ Там же, л. 33, 79-82.

⁶⁵ Там же, л. 7-20.

⁶⁶ Там же, л. 19.

⁶⁷ Там же, л. 38.

⁶⁸ На положении В. Колесникова эта челобитная, как и ситуация в целом, не отразилась. Известно, что в 150 и 156 гг. он, каждый раз после очередного похода на Байкал, отвозил пушнину в Москву. Причем, службу в 155-156 гг. проходил уже в чине атамана. См.: Оглоблин Н.Н. Обзорение... — Ч. 3. — С. 85, 172; Ч. 4. — С. 85.

Сибирского приказа, но и разобраться и сообщить в Москву, когда и при каком воеводе Максим был переведен из подьячих в атаманы и по какому государеву указу⁶⁹.

Устранив со своего пути М. Перфирьева как конкурента в борьбе за место атамана, О. Галкин пошел дальше - его уже не устраивал тот оклад государева жалованья, которое он получал вместо Перфирьева. 19 января 1638 г. Осип подает в Сибирском приказе еще одну челобитную, в которой просит поверстать его брата Ивана на место сына боярского Парфена Ходырева, поверстанного ранее в дети боярские по Енисейску без государева указа, а себя поверстать в оклад Ивана⁷⁰. По окладным книгам 145 г. сын боярский П. Ходырев и атаман И. Галкин имели самые большие в енисейском гарнизоне оклады жалованья - денежные по 18 рублей и хлебные: 14 четей ржи и 12 четей овса и 14 четей ржи и 8 четей овса соответственно. О. Галкин получал как ранее М. Перфирьев - 10 рублей деньгами, 7 четей ржи и 4 чети овса⁷¹. Но на это в Сибирском приказе не пошли. О. Галкин за свою службу на Лене «что ... государю служил и учинил прибыль» в дополнение к чину атамана получил награду, как и многие отличившиеся представители командного состава сибирских служилых людей: 5 рублей деньгами и ткань - «сукно доброе»⁷².

М. Перфирьеву не оставалось ничего иного, как вновь начинать службу рядовым казаком. Но на этот раз он достаточно быстро преодолел ступени служебной лестницы - енисейская администрация была заинтересована в использовании огромного опыта весьма авторитетного в среде служилых людей человека. В текущей документации 1638 г. М. Перфирьев упоминается уже пятидесятником: он получает в подчинение отряд служилых людей и отправляется из Енисейска на р. Витим (правый приток Лены) для разведки и объясачивания мастных «иноземцев». Проведя зиму в Олекминском острожке, в 1639 г. Максим с отрядом в 36 человек прошел вверх по Витиму, достигнув устья р. Ципы. В результате этого похода был собран ясак с витимских тунгусов и получены сведения о возможности дальнейшего продвижения вверх по Витиму, разведан путь на р. Шилку и далее по Амуру до самого моря, о проживавших там народах - тунгусах и даурах⁷³.

Возвращаясь из витимского похода, М. Перфирьев 27 июня 1640 г. встретился на Ангаре со следовавшими к месту службы первыми якутскими воеводами стольниками — П.П. Головиным и М.Б. Глебовым, которым и рассказал о полученных сведениях⁷⁴. Эта информация заинтересовала якутских воевод и по прибытии к месту службы в 1641 г. они отправили на Витим письменного голову Еналея Бахтеярова с отрядом в 55 человек⁷⁵. Поход этот закончился безуспешно, но в 1643 г. другой письменный голова Василий Поярков сумел вый-

⁶⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 72, л. 19-20.

⁷⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 72, л. 22-22 об.

⁷¹ Там же, оп. 1, кн. 70, л. 100-100 об., 186-186 об.

⁷² Там же, оп. 3, стб. 72, л. 40.

⁷³ Там же, стб. 75, л. 633-641; История Сибири. — Т. 2. — С. 52.

⁷⁴ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 75, л. 633.

⁷⁵ Там же, л. 639-640.

ти на Амур и прошел по нему до моря, затем в 1649 г. на Амур вышел Ерофей Хабаров⁷⁶. Таким образом, своим витимским походом енисейский служилый человек Максим Перфирьев положил начало проникновению русских людей на Амур.

Надо полагать, что столь ценные сведения еще более способствовали быстрой реабилитации М. Перфирьева. Через несколько месяцев, вероятно, за успешный поход на Витим, он был «пожалован» поездкой в Москву в качестве сопровождающего «соболиной казны». Кроме пушнины из Енисейска, ему поручили доставить в Сибирский приказ ясак из Красноярска, а по пути забрать с собой меха из Нарыма. В литературе встречается известие, что, выехав из Березова в конце осени - начале зимы 1641 г., небольшой отряд М. Перфирьева уже на западном склоне Уральских гор подвергся нападению со стороны самоедов и был почти полностью уничтожен. Вся пушнина при этом попала в руки «воровской березовской самоеды»⁷⁷. В реальности же, как показал проводившийся березовским воеводой И. Францбековым сыск, жертвой нападения пустозерских самоедов стали березовские казаки, которые на одном из участков пути через «Камень» присоединились к енисейцам, но вскоре отстали⁷⁸. А доставка пушнины в Сибирский приказ М. Перфирьевым произошла без осложнений. В документации, связанной с этими событиями, он упоминается атаманом⁷⁹.

В последующие годы уже далеко не молодой М. Перфирьев выполняет в основном административные функции: в 1642-1644 гг., после возвращения из Москвы, он служит в Братской земле (скорее всего — в должности приказчика Братского острога)⁸⁰. Любопытно, что в окладной книге 1643 г. М. Перфирьев упоминается казачьим десятником с денежным окладом в 5,5 рубля и, как в 1637 г., служит с пахоты с додацией 1 чети овса⁸¹, хотя известно, что в конце 1643 г. он был поверстан в стрелецкие сотники на место Василия Черменина с денежным окладом в 12 рублей⁸². В 1645-1646 гг. М. Перфирьев вновь приказчик в Братске, ведет сложную борьбу с нежелающими платить ясак бурятами, ему приходится даже выдержать их осаду в остроге⁸³.

В 1647 г. он по-прежнему упоминается в документации сотником: привозит на Ленский волок 30 семей ссыльных⁸⁴, после чего его вновь отправляют с поручением в Москву⁸⁵. В 1651 г. сотник М. Перфирьев вновь назначается приказчиком Братского острога и занимается в течение года «примирением» бурят. Ему удастся вернуть

⁷⁶ Долгих О.Б. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — С. 579.

⁷⁷ Оглоблин Н.Н. Обзорение... — Ч. 3. — С. 179.

⁷⁸ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 103, л. 257-297 об.

⁷⁹ Там же, л. 257, 259.

⁸⁰ Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. (далее СДИБ). — Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. № 27. — С. 41, 42.

⁸¹ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 58, 137.

⁸² СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 103, л. 152 об.-153.

⁸³ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. — С. 83.

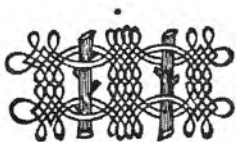
⁸⁴ Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь. — Якутск, 1967. — С. 76.

⁸⁵ СДИБ, № 41, С. 110; № 43, 118.

под Братск ранее откочевавшие бурятские улусы⁸⁶. В конце 1652 г. енисейский воевода Афанасий Пашков посылает Максима Перфирьева в очередную поездку в Москву с отпиской о необходимости строительства острога на р. Шилке. На этот раз Максим упоминается в чине сына боярского⁸⁷.

Пока в Сибирском приказе принимали решение - М. Перфильев оставался в Москве и смог вернуться в Енисейск не ранее июля 1653 г. Надо полагать, что именно он доставил воеводе А. Пашкову необходимое разрешение (наказ) для последовавшего вскоре похода в Забайкалье. Пока М. Перфильев находился в Москве, посланный из Енисейска в Забайкалье еще в 1650 г. Петр Бекетов, в 1653 г. основал Нерчинский острог⁸⁸. В этом походе принимал участие рядовым казаком Иван Максимович Перфирьев. А Афанасий Пашков, сдав в 1655 г. енисейские дела новому воеводе И.П. Акинфому, возглавил экспедицию на Шилку, получив назначение в качестве первого нерчинского воеводы⁸⁹.

Последнее известное нам упоминание в документации имени Максима Перфирьева относится к 1656 г.⁹⁰ Прожив долгую и бурную жизнь с постоянными походами, взлетами и падениями, почти восьмидесятилетний старик достиг в своей карьере сибирского казака максимального - чина сына боярского, став тем самым на один уровень (и даже выше) с появлявшимися в сибирских гарнизонах польско-литовскими шляхтичами и мелкопоместными и беспоместными русскими дворянами, служившими в Сибири в детях боярских. Благодаря заслугам Максима Перфирьева, его сын Иван за сравнительно короткий промежуток времени совершил по служебной лестнице скачок из рядовых казаков сразу в дети боярские. Бесспорно, что заслуги Максима повлияли и на служебную карьеру его внуков, также начинавших службу рядовыми казаками и быстро «дораставших» до чина детей боярских.

⁸⁶ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. — С. 88.

⁸⁷ СДИБ, № 60, С. 205.

⁸⁸ Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. — Новосибирск, 1989. — С. 211. В литературе встречается и другая дата основания Нерчинского острога - 1654 г. См.: Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. — Сургут, 1993. — С. 79.

⁸⁹ История Сибири. — Т. 2. — С. 132.

⁹⁰ Кузнецов Д. Архивный документ. Список енисейской окладной книги 1656 г. // Том. губерн. Ведомости. — 1863. — № 12. Отд. 2. Неофиц. — С. 53.